

Уильям Айриш

Окно во двор

«Public Domain»

Айриш У.

Окно во двор / У. Айриш — «Public Domain»,

В рассказе «Окно во двор», экранизированном в 1954 Альфредом Хичкоком («Rear Window»), главный герой, прикованный к инвалидной коляске, раскрывает преступление, происходящее в доме напротив.

ОКНО ВО ДВОР

Уильям АЙРИШ

Я не знал их имен. Никогда не слышал их голосов. Строго говоря, я даже не знал, как они выглядят, ведь на таком расстоянии лица были слишком малы, чтобы можно было рассмотреть их черты. Но зато я мог бы составить расписание их приходов домой и уходов, повседневных привычек и занятий. Они были обитателями домов, окна которых выходили во двор моего дома.

Не спору – это несколько напоминало подглядывание и даже могло быть ошибочно принято за нездоровый интерес к чужим делам. Но вины моей тут не было, и вообще все обстояло иначе. Дело в том, что именно тогда я был лишен возможности свободно передвигаться. Я с трудом перебирался от окна к кровати и от кровати к окну. А окно эркера, выходявшее во двор, было, пожалуй, самым удобным местом в моей спальне в жаркую погоду. Оно не было затянато сеткой, и, чтобы избежать нашествия всех окрестных насекомых, мне приходилось сидеть с выключенным светом. Меня мучила бессонница. А спастись от скуки чтением я так никогда и не научился.

Поэтому иного выхода у меня не было – разве что я должен был сидеть с зажмуренными глазами.

Возьмем наугад некоторые из окон. Прямо напротив, там, где окна выглядели для меня еще квадратными, жили молодожены, почти подростки – ужасные непоседы. Они бы просто на просто погибли, если бы провели хоть один вечер дома. Уходили они всегда в такой спешке, что забывали выключить свет. Не думаю, что за все то время, что я наблюдал за ними, они хоть раз вовремя вспомнили об этом.

Впрочем, они никогда не забывали об этом полностью. Минут через пять он врывается в квартиру, наверное, прибежав уже с другого конца улицы, и вихрем пронесился по комнатам, щелкая выключателями. Уходя, он обязательно в темноте обо что-нибудь спотыкался и падал. Я про себя посмеивался над этой парочкой.

Соседний дом Окна уже немного сужены перспективой. Там тоже было одно окно, в котором каждый вечер гас свет. Это всегда вызывало у меня легкую грусть. Там жила женщина с ребенком, скорей всего молодая вдова. Я видел, как она укладывала девочку в кроватку, наклонялась и с непередаваемой тоской целовала ее. Она загораживала от ребенка свет и тут же садилась подкрашивать себе глаза и губы. Потом она уходила. Возвращалась всегда под утро.

В третьем доме уже ничего нельзя было рассмотреть, его окна казались узкими, точно бойницы средневековой башни. В доме, притаившемся в конце двора, опять открывалось широкое поле для наблюдений, поскольку он стоял под прямым углом к остальным, в том числе и к моему собственному, замыкая ущелье, которое тянулось между задними стенами всех этих домов. Из своего выступавшего полукругом эркера я мог заглядывать туда так же свободно, как в кукольный домик, у которого снята боковая стенка. И все было уменьшено почти до тех же размеров.

Это был многоквартирный доходный дом, двумя этажами выше своих соседей, и, как бы подчеркивая эту разницу, по его задней стене поднималась пожарная лестница. Но дом этот был стар и, видимо, уже приносил мало прибыли. Как раз тогда его модернизировали. Чтобы не терять арендной платы, домовладелец на время работ не выселил жильцов из здания, а ремонтировал квартиры по одной. Из шести квартир, выходивших окнами во двор, верхняя была уже готова, но пока пустовала. Сейчас работали в той, что была на пятом этаже, нарушая стуком молотков и визгом пил покой обитателей этого "чрева" квартала.

Мне было жаль супружескую пару, которая жила этажом ниже.

Я не переставал удивляться, как они терпели у себя над головой такой шум. Вдобавок жена, вероятно, страдала каким-то хроническим недугом: даже на таком расстоянии я мог

определить это по той вялости, с которой она передвигалась по квартире, всегда в халате – ни разу я не заметил на ней другой одежды. Иногда я видел, как она сидит у окна, подперев голову рукой. Я часто думал, почему он не пригласит доктора; впрочем, быть может, это было им не по средствам. Похоже, что он нигде не работал. Нередко в их спальне за опущенной шторой до поздней ночи горел свету и мне тогда казалось, что в это время ей особенно плохое и он бодрствует вместе с ней. А однажды он, видно, и вовсе не сомкнул глаз за всю ночь – огонь в том окне горел почти до самого рассвета. Не подумайте, что я всю ночь наблюдал за их окном. Просто в три часа, когда я наконец перетащился с кресла на кровать, чтобы попробовать хоть немного вздремнуть, там все еще горел свет. А когда, убедившись в тщетности своей попытки, я на рассвете прискакал на одной ноге обратно к окну, свет в той квартире еще слабо пробивался сквозь рыжеватую штору.

Спустя немного, с первыми лучами занимавшегося дня, кайма света вокруг шторы вдруг померкла, а в другой комнате штора поднялась, и я увидел, что он стоит у окна и смотрит во двор.

В руке он держал сигарету. Разглядеть ее я, конечно, не мог – я понял, что он курит, по порывистым, нервным движениям его руки, которую он то и дело подносил ко рту, и по поднимавшемуся над его головой облачку дыма "Наверное, тревожится за нее", – подумал я. Что ж, в этом нет ничего удивительного. Любой муж испытывал бы такое же чувство.

Должно быть, она уснула только теперь, промучившись всю ночь напролет. А через час-два над ними, вгрызаясь в дерево, вновь завизжит пила и загремят ведра. "Это" конечно, не мое дело, – подумал я, – но ему все-таки следовало бы увезти ее оттуда. Если бы у меня была большая жена..."

Он чуть высунулся из окна и принялся внимательно осматривать задние стены домов, окружавших колодец Явора.

Когда человек во что-нибудь пристально всматривается, это можно определить даже на значительной расстоянии – по тому, как он держит голову. Но его взгляд не был прикован к одному определенному месту, он медленно скользил по стенам домов, стоявших напротив моего. Когда он осмотрел их, я понял, что его взгляд теперь перейдет на мою сторону и, проделав тот же путь, вернется к исходной точке. Не дожидаясь этого, я немного отодвинулся в глубину комнаты, чтобы дать его взгляду благополучно миновать мое окно. Мне не хотелось, чтобы он заподозрил меня в подглядывании. В моей комнате было еще достаточно темно, чтобы мое "бегство" осталось незамеченным.

Когда через одну-две минуты я занял прежнюю позицию, в том окне его уже не было. Он поднял еще две шторы. Но та, что закрывала окно спальни, по-прежнему была спущена. Меня невольно заинтересовал гот странный, оценивающий взгляд, которым он обвел окружавшие двор окна. Это показалось мне странным и как-то не вязалось с его тревогой о жене. Когда человек чем-то озабочен или встревожен, он погружен в себя и его взгляд рассеянно устремлен в пространство. Когда же взгляд его всматривается в окна соседних домов, это говорит об озабоченности иного рода, об интересе, направленном на нечто вне собственного "я". Одно не очень-то сочетается с другим. Но это противоречие было настолько пустяковым, что едва ли стоило придавать ему какое-то значение. Только человек, изнывающей от полного безделья, мог обратить на это внимание.

Судя по окнам, та квартира как бы вымерла. Должно быть, он ушел или лег спать сам. Три шторы были подняты, а та, за которой скрывалась спальня, оставалась опущенной. Вскоре Сэм, мой приходящий слуга, принес завтрак и утреннюю газету, и это помогло мне убить два-три часа. И я до поры до времени выбросил из головы чужие окна.

Все утро косые лучи солнца падали на одну сторону дворового ущелья, а после полудня они осветили другую.

Потом начали постепенно ускользать, покидая двор, и снова наступил вечер – ушел еще один день.

По краям прямоугольника стали зажигаться огни. Порой то там, то здесь стена, как резонатор, отражала обрывки радиопередачи: кто-то, видно, включил приемник на полную мощность. Если напрячь слух, можно было среди прочих звуков различить доносившееся издали позвякивание посуды.

Разматывалась цепь маленькие привычек, из которых складывалась жизнь обитателей этих домов. Эти привычки связывали их крепче, чем самая хитроумная смиренная рубашка, когда-либо изобретенная тюремщиком, хотя они считали себя свободными. Как и во все вечера, парочка непосед стремительно вырвалась на простор, забыв потушить свет; он примчался обратно, пощелкал выключателями, и в их квартире стало темно. Женщина уложила спать ребенка, грустно склонилась над кроваткой и, как мне казалось, в глубоком отчаянии присела к зеркалу красить губы.

Весь день в квартире четвертого этажа того дома, что стоял поперек этой длинной внутренней, "улицы", три шторы оставались поднятыми, а четвертая – спущенной. До какой-то минуты это не доходило до моего сознания – я почти не глядел в ту сторону и не думал об этом. Правда, иногда в течение дня мои глаза останавливались на тех окнах, но мысли мои были заняты другим. Только когда в крайней комнате, их кухне, на окне которой штора была поднята, вспыхнул свет, я вдруг понял, что весь день шторы оставались в прежнем положении. Тут до меня дошло, что за весь день я ни разу не видел той женщины. До этой самой минуты я вообще не заметил в их окнах никакого признака жизни.

Он пришел с улицы. Входная дверь находилась в другом конце кухни, напротив окна. На нем была шляпа, из чего я и заключил, что он только что пришел.

Он не снял шляпы. Как будто снимать ее уже было не для кого. Проведя рукой по лбу, он сдвинул ее на затылок. Я знал, что это не тот жест, которым стирают пот. Человек стирает пот горизонтальным движением – а он провел рукой по лбу снизу вверх. Скорее это движение было признаком тревоги или замешательства – если б ему было слишком жарко, он бы первым делом снял шляпу.

Она не вышла встретить его. Порвалось первое звено столь прочно сковывавшей их цепи привычек и обычаев.

Должно быть, ей так плохо, что она весь день пролежала в постели в комнате за опущенной шторой. Я продолжал наблюдать за ним. Он все еще был там, через две комнаты от нее. А я все ждал. Мое спокойствие мало-помалу сменилось удивлением, удивление – недоумением. "Странно, – подумал я, – что он не заходит к ней. Мог хотя бы подойти к порогу ее комнаты, чтобы узнать, как она себя чувствует". Впрочем, быть может, она спит и он не хочет беспокоить ее. Но тут же возникла другая мысль: откуда ему знать, что она спит, если он даже не заглянул к ней? Ведь он только что вошел в квартиру.

Он приблизился к окну и стал у подоконника, как на рассвете. Незадолго до этого Сэм унес поднос с остатками ужина, и у меня был потушен свет. Зная, что тот, у окна, не сможет разглядеть меня в комнате эркера, я не подался назад.

Несколько минут он стоял неподвижно. Сейчас по его позе можно было заключить, что он чем-то озабочен. Он глядел куда-то вниз, погрузившись в раздумье.

"Он беспокоится за нее, – подумал я, – как на его месте беспокоился бы любой муж. Что может быть естественней? Но все-таки странно, почему он не подошел к ней, оставил ее одну в комнате. Если он встревожен, почему же, вернувшись домой, он даже не заглянул к ней?" Еще одна неувязка между его предполагаемым душевным состоянием и поведением.

Стоило мне об этом подумать, как снова повторилось то, что привлекло мое внимание на рассвете. Как и тогда, он настороженно поднял голову и, будто пытаясь что-то выяснить, опять начал медленно поворачивать ее, обводя взглядом полукруглые окон. Я сидел не шелох-

нувшись, пока его что-то ищущий далекий взгляд не миновал моего окна. Движение привлекает внимание.

"Почему его так интересуют чужие окна?" – мелькнуло у меня. И почти мгновенно сработал тормоз, который не дал мне развить эту мысль: "А сам-то ты чем занимаешься?"

Я упустил из виду, что между ним и мной была существенная разница. Я ничем не был озабочен. А он, по всей видимости, был.

Снова опустились шторы. За их рыжеватыми экранами горел свет. Только за той, что все время оставалась спущенной, комната была погружена во мрак.

Время тянулось медленно. Трудно сказать, сколько его прошло – четверть часа, двадцать минут. Где-то во дворе запел сверчок. Перед уходом домой Сэм заглянул узнать, не нужно ли мне чего. Я сказал, что ничего не нужно, что все в порядке. С минуту он постоял, опустив голову. Потом с неудовольствием слегка покачал ею.

– В чем дело? – спросил я.

– Знаете, к чему он так распелся? Это мне когда-то объяснила моя старая матушка, а она за всю жизнь меня ни разу не обманула. И я не припомню случая, чтобы эта примета подвела.

– Ты о чем, о сверчке?

– Если уж эта тварь запела, значит, где-то рядом покойник.

Я отмахнулся от него.

– Но не у нас же, так что успокойся.

Он вышел, упрямо ворча:

– Но где-то неподалеку. Где-то тут. Иначе и быть не может!

Дверь за ним закрылась, и я остался в темноте один.

Стояла душная ночь, намного тяжелее предыдущей. Даже у открытого окна нечем было дышать. Я и представить себе не мог, каково ему, тому неизвестному, за спущенными шторами.

И вдруг в тот самый миг, когда праздные мысли о происходящем вот-вот готовы были осесть в каком-то определенном уголке моего сознания, выкристаллизироваться в некое подобие подозрения, шторы опять поднялись, и эти мысли улетучились, не успев привести меня к какому-либо выводу.

Он был за средним окном, в гостиной. Пиджак, рубашку он снял, остался в майке. Видно, он тоже невыносимо страдал от жары.

Вначале я никак не мог догадаться, что он делает. То, чем он занимался, заставляло его двигаться не из стороны в сторону, а по вертикали – сверху вниз. Он стоял на месте, но часто наклонялся, через неравные промежутки времени исчезая из виду; а затем он выпрямлялся, снова появляясь у меня перед глазами. Это напоминало какое-то гимнастическое упражнение, разве что в его движениях отсутствовал ритм.

Иногда он подолгу оставался в согнутом положении, иногда тут же выпрямлялся; бывало и так, что он быстро наклонялся несколько раз подряд. От окна его отделял какой-то черный предмет в форме буквы V. Над подоконником виднелись только два его верхних края, и он немного заслонял подол его майки.

Прежде этот предмет я там не видел и пока не мог взять в толк, что это такое.

Вдруг, впервые с тех пор, как были подняты шторы, он оставил это занятие и, обойдя вокруг V, ушел в глубину комнаты, наклонился и почти сразу же выпрямился, держа в руках нечто, напоминавшее издали кипу разноцветных флагов.

Он вернулся к V-образному предмету и бросил свою ношу на его край. Потом он опять нырнул, пропав из виду, и довольно долго не показывался.

Переброшенные через V "флаги" на моих глазах начали менять цвета. У меня прекрасное зрение. Только что они были белыми, в следующее мгновение стали красными, потом синими.

И тут я все понял. Это были женские платья, и он снимал их с краев V по одному, каждый раз беря то, что лежало сверху. Вдруг все они исчезли, V снова обнажилось и почернело, а в

окне возникла его фигура. Теперь я уяснил себе, что такое это и чем он занимался. Это мне подсказали платья. А он подтвердил мою догадку. Он простер руки к краям V – я увидел, как, приподнявшись, он делал какие-то движения, будто силясь притянуть их друг к другу; края V сомкнулись, и оно превратилось в клин. Потом верхняя часть тела незнакомца стала раскачиваться, и клин, отодвинувшись в сторону, исчез с моих глаз.

Он укладывал вещи своей жены в большой вертикальный сундук.

Вскоре он появился у окна кухни и немного постоял перед подоконником. Я видел, как он провел рукой по лбу, причем не один раз, а несколько, после чего потряс кистью в воздухе. Еще бы! Для такой ночи это была изнурительная работа. Затем он потянулся куда-то кверху и что-то достал.

Поскольку он находился в кухне, в моем воображении, конечно, тут же возникли шкафчик и бутылка.

Немного погодя он быстрым движением поднес руку ко рту.

"Именно так вели бы себя девять мужчин из десяти, упаковав сундук, – опрокинули бы рюмку-другую чего покрепче, – стараясь оправдать его, подумал я. – А если бы десятый поступил иначе, то исключительно потому, что у него под рукой не оказалось бы бутылки".

Он вернулся к окну и, став к нему боком так, что мне был виден только его сузившийся силуэт по пояс, начал снова внимательно всматриваться в темный прямоугольник окон, в большинстве которых уже погас свет. Свой круг осмотра он всегда начинал слева, с домов напротив моего.

По моему подсчету, он делал это второй раз за сегодняшний вечер. И третий за день, если вспомнить его поведение на рассвете. Я мысленно улыбнулся. Могло создаться впечатление, что у него не чиста совесть. Впрочем, скорее всего это ровно ничего не значило – просто маленькая странность, чуждость, которого он и сам в себе не замечал.

У меня тоже были свои причуды. А у кого их нет...

Он прошел и глубину кухни, и это окно потемнело. Его фигура появилась в гостиной, где еще было светло. Затем погасла лампа и здесь. Меня не удивило, что, войдя в третью комнату, в спальню за спущенной шторой, он не зажег там света. Неудивительно, что он не хочет беспокоить ее, если она завтра уезжает. Этот вывод невольно напрашивался после упаковки сундука. Перед путешествием она должна хорошенько отдохнуть. Естественно, что он потихоньку скользнул в постель, не включая света.

Но зато я удивился, когда спустя немного во мраке гостиной вспыхнула спичка. Должно быть, эту ночь он решил провести там, на каком-нибудь ложе вроде дивана. К спальне он и не приблизился, даже ни разу туда не заглянул! Честно говоря, это меня озадачило. Пожалуй, его заботливость зашла уж слишком далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.